

Жан-Клод Мурлева

*Река,
текущая
вспясть*

Машек

Жан-Клод Мурлева

РЕКА, ТЕКУЩАЯ ВСПЯТЬ

Томек

(Начало)

*Перевод с французского Надежды Бунтман
Иллюстрации Александра Шатохина*

Москва
Самокат

Информация от издательства

Художественное электронное издание

Для младшего и среднего школьного возраста

*В соответствии с Федеральным законом № 436 от 29 декабря 2010 года
маркируется знаком **6+***

Философская сказка французского писателя Жан-Клода Мурлева — пазл-перевёртыш, две стороны одной истории — инь и янь. Маленький лавочник Томек вслед за девочкой Ханной отправляется в далёкое и опасное путешествие на поиски волшебной реки, вода в которой даёт бессмертие.

У каждого из героев свой путь и свои испытания, и им придётся принять много решений и от многого отказаться, прежде чем они приобретут настоящих друзей, найдут свою любовь и поймут, что смерть — не больше и не меньше, чем часть жизни.

По словам автора, он никогда не задумывается о возрасте читателя. Видимо, поэтому читатели разного возраста так любят его истории: младшие — за то, что автор говорит с ними на равных, старшие — за то, что он видит и любит в них детей.

Жан-Клод Мурлева — один из живых мэтров французской литературы, автор более чем 20 книг, известных во всём мире, лауреат многочисленных литературных премий, десять раз номинированный на Премию Астрид Линдгрэн, которой он, несомненно, достоин. На русский язык переведены 7 книг автора, из которых наиболее значимыми являются «Зимняя битва», «Горе мёртвого короля», «Дитя Океан» и «Река, текущая вспять», настоящее издание которой включает в себя ранее не публиковавшуюся вторую часть — «Ханна».

Любое использование текста и иллюстраций разрешено только с согласия издательства.

© Jean-Claude Mourlevat

© 2002, editions Pocket Jeunesse, departement d'Univers Poche

© Бунтман Н.В., «Томек», перевод на русский язык, 2006

© Шаховская Н.Д., «Ханна», перевод на русский язык, 2020

**ISBN 978-5-
00167-221-0**

© Издание на русском языке, оформление. ООО
«Издательский дом «Самокат», 2020

Моему отцу

ПРОЛОГ

Эта история произошла, когда люди еще не придумали, как сделать жизнь удобной. Не было ни телешоу, ни автомобилей с подушками безопасности, ни супермаркетов. Никто даже и не мечтал о мобильных телефонах! Но были уже и радуги после дождя, и абрикосовое варенье с миндалем, и полуночные купания — словом, все то, что ценится и по сей день. Впрочем, были, увы, и неразделенная любовь, и сенная лихорадка — недуги, от которых до сих пор не изобрели никакого лекарства.

Короче говоря, это было давным-давно.

Глава первая

ПЕРЕЛЕТНЫЕ ПТИЦЫ

Лавка Томека стояла на краю деревни. Это был ничем не примечательный домик, и на его вывеске синей краской было выведено: «БАКАЛЕЯ». Дверь открывалась — динь-динь! — радостно звенел колокольчик, и улыбающийся Томек появлялся перед вами в сером фартуке бакалейщика. Это был мальчик с мечтательными глазами, достаточно рослый для своих лет и худощавый. Проводить опись товаров в лавке Томека — дело совершенно бесполезное. Они не влезли бы ни в одну амбарную книгу. Тут подходит только одно слово, и это слово — «всё». Томек продавал всё. У него вы смогли бы найти любую важную и нужную вещь, например, мухобойку или «Настойку панацеи» аббата Пердрижона, а еще, конечно, такие незаменимые в хозяйстве предметы, как резиновые грелки и охотничьи ножи.

Поскольку Томек жил в своей лавке, точнее, в пристройке позади лавки, бакалея никогда не закрывалась. Табличка, висевшая на двери, всегда была повернута к посетителям надписью «ОТКРЫТО». Это, впрочем, не считалось поводом постоянно заходить к Томеку. Нет. Жители деревни уважительно к нему относились и старались не беспокоить по пустякам. Они знали, что в случае крайней необходимости Томек их вежливо обслужит даже посреди ночи. Тем не менее не стоит полагать, что Томек сидел на месте как привязанный. Напротив, он частенько выходил размять ноги, а то и пропадал на полдня. В этом случае лавка оставалась открытой и клиенты сами себя обслуживали. Возвратившись, Томек обнаруживал на прилавке деньги и маленькую записку: «Взяла моток веревки для

колбасы. Лина». Или только записку: «Взял табаку. Заплачу завтра. Як».

Так все шло своим чередом, как говорится, в этом лучшем из миров и так проплывали бы годы и столетия, и ничего особенного бы не происходило.

Но у Томека была тайная мысль. В ней не было ничего плохого или необычного. Он и сам не заметил, откуда она взялась. Это как волосы: мы не обращаем на них внимания, просто в один прекрасный день они становятся слишком длинными, и все. Так в один прекрасный день Томек обнаружил, что у него появилась мысль, которая, вместо того чтобы расти из головы, растет внутрь, и вот какая это была мысль: Томек понял, что ему скучно. Хуже того: очень скучно. Ему хотелось уехать и повидать мир.

Из маленького окна в пристройке он смотрел на широкую равнину: весенняя рожь колыхалась, словно морские волны. И только дверной колокольчик в лавке — динь-динь! — мог оторвать его от мечтаний. Иногда на рассвете он бродил по дорогам, терявшимся в нежно-синих полях льна, и при мысли о возвращении домой у него сжималось сердце.

Осенью, когда перелетные птицы в величественном молчании пересекали небо, Томек с новой силой чувствовал желание уехать. Слезы застилали ему глаза, когда он наблюдал, как дикие гуси исчезали за горизонтом, мерно взмахивая крыльями.

К сожалению, не так-то просто уехать, когда тебя зовут Томек и ты отвечаешь за единственную бакалею в деревне. Особенно если до тебя ее держал твой отец, а до твоего отца — твой дед. Что подумают люди? Что ты их бросил? Что ты плохо с ними поступил? Что тебе не нравилось жить в деревне? В любом случае они не поймут. И огорчатся. Томек не хотел никого расстраивать. Он решил остаться и сохранить свою тайну. «Надо терпеть, — говорил он себе, — и

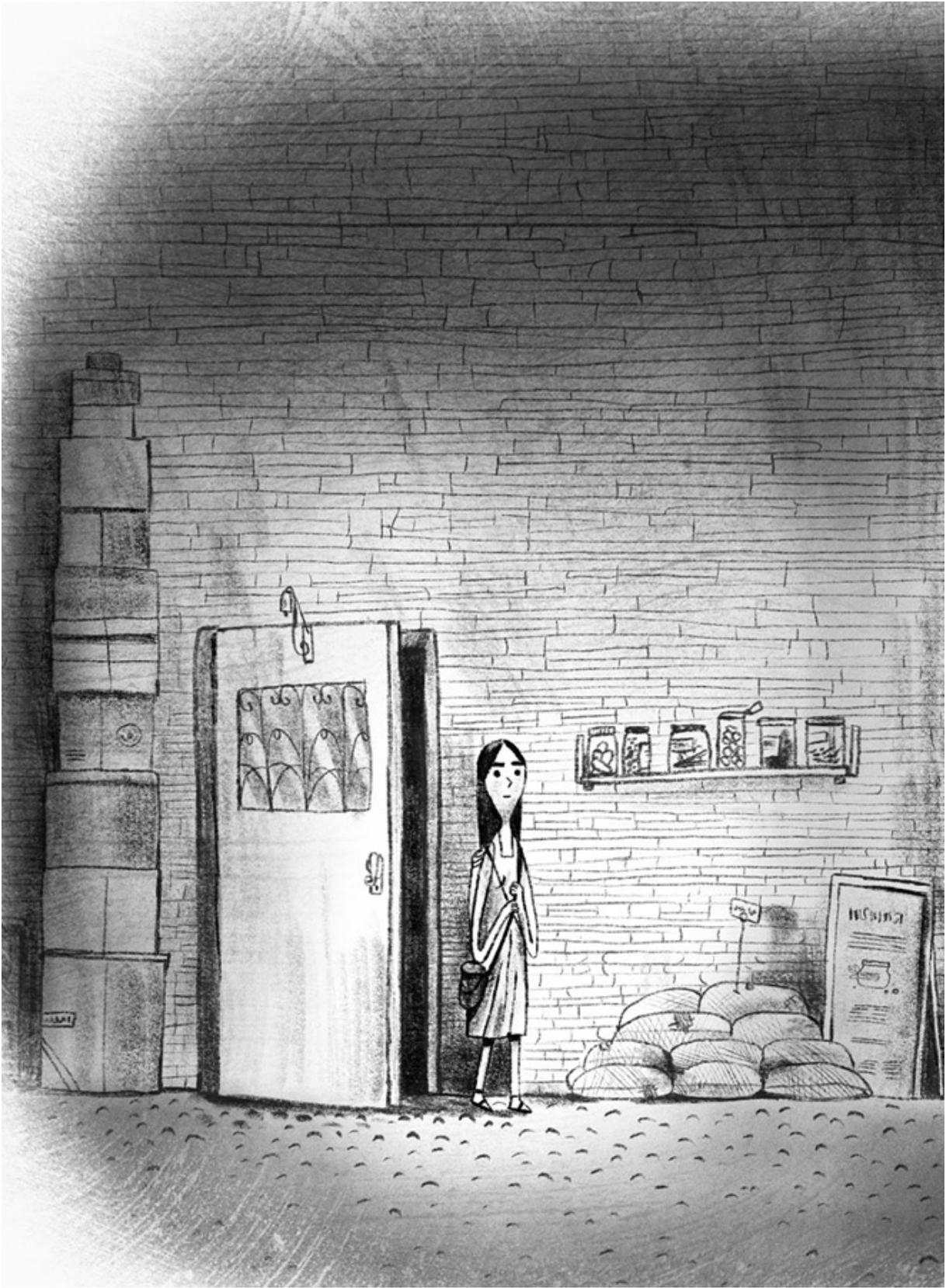
со временем мысль уйдет так же, как пришла, медленно и незаметно...»

Увы, все получилось не так. Одно значительное происшествие вскоре свело к нулю все усилия Томека образумиться.

Это случилось в конце лета, вечером. Дверь лавки оставалась открытой, чтобы в дом проникала ночная прохлада. Томек подсчитывал что-то в своей особой тетради при свете керосиновой лампы и задумчиво грыз кончик карандаша, как вдруг звонкий голосок чуть не заставил его подпрыгнуть от неожиданности:

— Вы продаете карамельки?

Он поднял голову и увидел самое красивое создание, какое только можно себе представить. Это была девочка лет двенадцати, очень загорелая, в сандалиях и в поношенном платице. На поясе у нее висела медная фляжка. Она вошла в открытую дверь бесшумно, словно видение, и теперь пристально смотрела на Томека темными грустными глазами.

— Вы продаете карамельки?

И тут Томек сделал вот что. Во-первых, ответил:

— Да, я продаю карамельки.

А во-вторых, Томек, за все свою жизнь и трех раз не оглянувшись на девочку, влюбился в эту малышку. Влюбился внезапно, окончательно и бесповоротно.

Он положил карамельки в баночку и протянул ей. Она сразу же спрятала баночку в карман платья. Видно было, что ей не хочется уходить. Она стояла и внимательно смотрела на ряды шкафчиков, занимавших всю стену.

— Что у вас там, в шкафчиках?

— Все, — ответил Томек. — Все самое необходимое.

— И шляпные резинки?

— Разумеется.

Томек взобрался на лестницу и открыл верхний шкаф.

— Вот они.

— А игральные карты?

— Вот.

Она помолчала, а затем робкая улыбка тронула ее губы. Все это ее явно забавляло.

— А картинки с кенгуру?

Томек подумал немного, потом устремился к шкафу слева.

— Вот!

На этот раз темные глаза малышки засветились. Было так приятно видеть ее счастливой, что у Томека заколотилось сердце.

— А песок из пустыни? И чтобы не остывший!

Томек снова взобрался на лестницу и достал из шкафа маленькую склянку с оранжевым песком. Он спустился, высыпал песок на свою особую тетрадь, чтобы девочка могла его потрогать. Она погладила его тыльной стороной ладони, потом провела по нему подушечками проворных пальцев.

— Совсем еще теплый...

Она подошла вплотную к прилавку. Томек почувствовал ее тепло и захотел положить руку не на песок, а на ее золотистую ладонь. Она все поняла и продолжила:

— Такой же, как моя ладонь...

Свободной рукой она взяла руку Томека и положила на свою. Свет керосиновой лампы играл на ее лице. Это продолжалось несколько секунд, потом легким движением она высвободила руку, осмотрелась и указала пальцем на один из трех сотен маленьких шкафчиков:

— А в этом что у вас?

— Ничего особенного, катушки... — ответил Томек, сыпая песок в склянку через воронку.

— А в этом?

— Зубы Богородицы... Это такие очень редкие ракушки...

— А... — разочарованно произнесла девочка. — А в этом?

— Семена секвойи... Я могу вам подарить несколько штук, если хотите. Но не сажайте их куда попало, потому что секвойи могут вырасти очень большими...

Томек хотел сделать ей приятное. Но вышло наоборот. Она снова помрачнела и задумалась. Томек не решался прервать молчание. В открытую дверь заглянула кошка, попыталась войти, но Томек прогнал ее, махнув рукой. Он не хотел, чтобы его беспокоили.

— Так у вас в лавке есть все? Действительно все? — спросила девочка, подняв на него глаза.

Томек смутился.

— Ну да... все необходимое... — ответил он как можно скромнее.

— Тогда, может быть, — проговорила малышка хрупким и дрожащим, но в то же время, как показалось

Томеку, полным надежды голосом, — у вас найдется вода из реки Кьяр?

Томек не имел никакого представления об этой воде, и реки такой он тоже не знал. Девочка все поняла и сразу сникла.

— Это вода, дающая бессмертие, разве вы не знали?

Томек покачал головой: нет, он не знал.

— Она нужна мне... — сказала девочка. Она постучала по фляжке, висевшей на ремне, и добавила: — Я ее найду и налью сюда...

Томек очень хотел, чтобы она сказала ему еще что-нибудь, но она уже разворачивала платок, в котором лежало несколько монет.

— Сколько я вам должна за карамельки?

— Один су... — прошептал Томек.

Девочка положила монету на прилавок, еще раз окинула взглядом три сотни шкафчиков и в последний раз улыбнулась Томеку.

— До свидания.

Она вышла из лавки.

— До свидания... — пробормотал Томек.

Пламя керосиновой лампы становилось все слабее. Он снова сел в кресло за прилавком. На раскрытой особой тетради лежали монетка незнакомки и несколько оранжевых песчинок.

Глава вторая

ДЕДУШКА ИШАМ

Все следующие дни Томек ужасно переживал, что взял деньги со своей посетительницы. Вряд ли у нее их было много. Время от времени он удивлялся, замечая, что разговаривает сам с собой. Например, он бормотал: «Нет-нет, вы мне ничего не должны...» Или: «Я вас умоляю... За какие-то карамельки...»

Томек мог сколько угодно придумывать всевозможные любезности, но было слишком поздно. Она заплатила и ушла, оставив его наедине с сожалениями. Еще его тревожила вода, о которой она говорила, река со странным именем, которую ему пока не удалось найти. И вообще, кто эта странная девочка? Откуда она? Она пришла одна или кто-нибудь ждал ее около лавки? Нет ответа...

Он пытался хоть что-нибудь выяснить через покупателей. Он задавал невинные вопросы: «Ну, что новенького в деревне?» или: «Никто не заезжал?» — в надежде, что кто-нибудь ответит: «Нет, никто, разве что одна девочка как-то вечером...»

Но никто не имел о ней ни малейшего представления. Создавалось ощущение, что только он один ее и видел. Через несколько дней Томек не выдержал. Мысль о том, что он больше никогда не увидит девочку, казалась ему невыносимой. И то, что он не мог ни с кем поговорить о ней, тоже его мучило. Тогда он оставил лавку, положил в карман брикет мармелада и что есть духу побежал на другой конец деревни, где жил дедушка Ишам.

Старый Ишам был народным писателем, то есть писал за тех, кто не умел этого делать. Разумеется, он еще и читал. Когда пришел Томек, он как раз читал

письмо для некой дамы, внимательно его слушавшей. Томек скромно держался в стороне, пока они не закончили, потом подошел к своему другу.

— Здравствуй, дедушка, — сказал он, прикладывая руку к груди.

— Здравствуй, сынок, — ответил Ишам, раскрывая ему объятия.

Они не были друг другу ни дедушкой, ни сыном, но, поскольку Ишам жил один, а Томек был сиротой, они всегда так здоровались. Они очень любили друг друга.

Летом Ишам работал в маленькой хибарке, прилепившейся к каменному забору и выходящей прямо на улицу. Он сидел по-турецки посреди книжек. Чтобы добраться до него, надо было вскарабкаться по трем деревянным ступенькам и тоже сесть на пол. Посетители предпочитали стоять на улице, диктуя письма или слушая, как их читает Ишам.

— Поднимись ко мне, сынок.

Томек перемахнул через три ступеньки и устроился, скрестив ноги, рядом со стариком.

— Как поживаешь, дедушка? — начал Томек, доставая из кармана мармелад. — Много работы?

— Спасибо, мой мальчик, — ответил Ишам, принимая сладости. — У меня никогда не бывает работы, я тебе уже говорил. А тем более отдыха. Все это просто-напросто жизнь, и она идет своим чередом.

Томека очень забавляли подобные загадочные фразы. Ишаму можно было бы принять за великого мыслителя, если бы он не был таким сладкоежкой. Он обожал сладости, мог дуться, как трехлетний ребенок, если Томек забывал принести ему тянучку, пастилу, жевательную резинку или лакричных конфет. Больше всего Ишаму нравились пряники в форме сердечек, но он не отказывался ни от каких лакомств, лишь бы их было не слишком трудно жевать.

Томек не хотел надолго задерживаться и, так как его разбирало любопытство, сразу же перешел к интересующей его теме:

— Скажи, дедушка Ишам, ты слышал когда-нибудь о реке Щар или Дьяр?..

Старик пожевал, подумал немного, затем неторопливо ответил:

— Я знаю реку... Кьяр.

— Точно! — воскликнул Томек. — Кьяр! Река Кьяр!

Повторяя это название, он так и слышал слова девочки: «Вода из реки Кьяр...»

— Которая течет вспять... — продолжил Ишам.

— Которая... что? — пробормотал Томек, никогда не слышавший о таком.

— Которая течет вспять, — четко произнес Ишам. — Река Кьяр течет вспять.

— Вспять? Что ты хочешь этим сказать? — спросил Томек, вытаращив глаза.

— Я хочу сказать, что вода в этой реке течет вверх, а не вниз, мой маленький Томек. Что, не ожидал?

Ишам расхохотался, глядя на своего юного друга, потом сжалился над ним и начал объяснять:

— Эта река берет начало в океане, понимаешь? Вместо того чтобы в него впадать, она из него вытекает. Будто забирает воду из моря. Вначале она широкая. Говорят, в этом месте на берегах растут необычные деревья. Деревья, которые потягиваются утром и вздыхают по вечерам. А еще там множество никем не виданных животных.

— Каких животных? — заинтересовался Томек. — Опасных?

Ишам покачал головой. Он не знал.

— В любом случае, — продолжал старик, — самое удивительное, что вода в этой реке течет не в ту сторону...

— Но, — перебил любопытный Томек, — если бы эта река, притом большая, брала воду из моря, то уровень моря должен был бы понижаться...

— Должен, но этого не происходит из-за десятков других рек. Они-то в море впадают.

— Конечно, — вынужден был признать Томек, — конечно.

— Затем, — продолжал Ишам, — река Кьяр сливается с подземными водами, как говорят, на протяжении сотен

километров. Она теряет воды, вместо того чтобы пополняться.

— А куда уходит эта вода? — спросил Томек. — Ей же надо куда-нибудь деваться!

И снова старику Ишаму пришлось признаться в своем неведении:

— Никто не знает, куда уходит эта вода. Притоков не существует. Это большая загадка. А ты принес мне кусочек нуги?

Томек так глубоко задумался, что ответил не сразу. В своих мыслях он был далеко от нуги. Он порылся в карманах.

— Нет, дедушка, но я схожу за ней, если хочешь. Обещаю. Пожалуйста, расскажи мне еще об этой реке.

Разочарованный Ишам пробурчал несколько непонятных слов и решил продолжить:

— Как бы то ни было, воды реки заканчивают свой бег у подножия горы, называемой Священной горой.

— Священной горой? — переспросил Томек удивленно.

— Да. Те, кто дошел до нее, говорят, что никогда не видели ничего более впечатляющего. Ее вершина скрывается в облаках. Но эту речушку голыми руками не возьмешь. Чем выше она поднимается, тем уже становится. Сначала это бурный горный поток, потом — тихий ручеек. Она все время течет вспять. Когда забирается совсем высоко, то превращается в тоненькую струйку не шире моего мизинца. Там она снова оживляется и создает в толще камня впадину размером с полтазика. Эта вода невероятной чистоты. И она волшебная, Томек...

— Волшебная? — переспросил мальчик.

— Да, это вода, дающая бессмертие...

И снова Томек услышал чистый голос девочки: «Это вода, дающая бессмертие, разве вы не знали?» Ишам повторил ее фразу слово в слово.

— Только вот, — продолжил старик, — никто пока не принес ее оттуда, мальчик мой, никто.

— Но почему же? — возмутился Томек. — Надо всего лишь дойти по реке до ее истока, там, наверху, наполнить фляжку этой самой водой и спуститься обратно!

— Всего лишь... Но взобраться наверх еще никому не удавалось. А если и удавалось, то не получалось спуститься, и никто об этом ничего не знает. А если и получалось спуститься, то в дороге запас воды терялся. Есть еще одно обстоятельство, которое сильно затрудняет дело.

— Какое, дедушка?

— То, что реки этой, безусловно, не существует, а горы тем более.

Возникла пауза, которую прервал сам старый Ишам:

— Кстати, мой мальчик, кто тебе рассказал об этой реке?

Томек внезапно вспомнил, что пришел рассказать старому другу о встрече с девочкой. Теперь он должен раскрыть свой секрет и тогда, может быть, узнает о ней чуть больше.

Он собрался с духом и постарался в мельчайших подробностях описать все, что произошло в тот вечер в его лавке. Он не забыл ни про картинку с кенгуру, ни про оранжевый песок в склянке, ни про заглянувшую в дверь кошку. Он не рассказал только о своей ладони на руке девочки. Об этом не обязательно было трубить на всех перекрестках.

Старый Ишам дослушал до конца, после чего посмотрел на него с улыбкой, какой Томек еще никогда не видел: насмешливой и в то же время полной нежности.

— Скажи мне, сынок, а ты случайно не влюбился?

Томек покраснел до кончиков ушей. Он сердился на себя и на Ишаму, который над ним подтрунивал. Так

он и побежит еще раз за нугой. Он уже собирался уходить, как старик поймал его за рукав и усадил обратно.

— Подожди, остынь...

Томек послушался. Ему никогда не удавалось долго сердиться на Ишама.

— Ты сказал, у нее была фляжка?

— Была. Она говорила, что найдет воду и нальет туда.

На лице Ишама не осталось и тени улыбки.

— Видишь ли, Томек... Я не знаю, существует река Къяр или нет, но я знаю, что ее ищут уже тысячи лет и никто, понимаешь, никто не вернулся хотя бы с капелькой этой живой воды. Целые экспедиции, мужчины в самом расцвете сил, снаряженные с ног до головы и твердо решившие достичь цели, терпели неудачу, даже не увидев Священной горы. И твоя милашка может сколько угодно стучать по своей фляжке и говорить, что наполнит ее, но это так же невозможно, как вырастить рожь на ладони.

— Но все-таки что же с ней будет?

Ишам улыбнулся.

— Думаю, мой мальчик, ты должен о ней забыть.

Подумай о ком-нибудь другом. Разве в нашей деревне мало красивых девочек? Давай, беги. Тебя, наверное, ждут покупатели.

— Ты прав, дедушка, — сказал Томек, повесив голову.

Он встал, пожал руки старому Ишаму и побрел к своей лавке.

Глава третья

ОТЪЕЗД

С того дня мысль об отъезде не покидала Томека. Однажды ночью ему приснился странный сон, в котором за девочкой гнались тигры, бегущие на задних лапах, как люди. Девочка звала: «Томек! Томек!» Он взял ее за руку, и они понеслись во весь дух. Они слышали, как позади щелкают челюсти тигролюдей, но в последний момент им удалось спастись, спрятавшись под скалой. Тогда Томек спросил малышку, откуда она знает его имя, и она ответила, пожав плечами: «Кто же не знает Томека!» В другом сне он склонялся над водоемом с чистойшей водой на вершине Священной горы. На дне что-то блестело. Это была монетка, которой малышка заплатила за карамельки. Он поднимал один су, а когда поворачивался, она стояла перед ним, одетая как

принцесса, и улыбалась. И охраняли ее укрощенные тигролюди.

Томек наметил отъезд на раннее утро. Так все не сразу заметят его отсутствие, а когда старый Ишам обнаружит в своей хибарке его письмо, он будет уже далеко.

В последние дни Томеку плохо удавалось скрывать свое беспокойство. Ему даже казалось, что в лавке на него странно смотрят. Как будто его план был написан у него на лбу; как будто что-то его выдавало — быть может, необычный блеск в глазах. Он долго продумывал, какую одежду взять с собой. Это было трудно, ведь он не имел ни малейшего понятия о том, что его ждет в дороге. Холодно или жарко будет в том дальнем краю? Стоило ли запастись теплыми носками, толстым свитером и вязаным шлемом? Или, наоборот, следовало идти налегке? Тем более он не знал, какое взять снаряжение. Он искал ответы в приключенческих романах, но тщетно. У большинства путешественников не было ничего, а у его любимого Робинзона Крузо — и того меньше, потому что он все потерял во время кораблекрушения. Очевидно, у девочки с карамельками тоже ничего с собой не было. Томек решил последовать ее примеру и взять с собой только самое необходимое.

Для начала ему нужно было плотное шерстяное одеяло, потому что придется ночевать под открытым небом, а ночи становятся все холоднее.

Еще понадобится фляга. У него как раз была фляжка из кожи выдры. Томек хорошенько закрепил ее на поясе: она ему не раз еще пригодится... И для того, чтобы принести воду из реки Кьяр. Если он найдет ее, конечно.

Он смастерил себе из очень прочной ткани маленький мешочек и положил в него монетку. При встрече он сможет отдать ее девочке. Если они встретятся... Так или иначе, мешочек был спрятан под

рубашкой, и пусть кто-нибудь только попробует его отобрать. В карман штанов Томек положил лишь охотничий нож (вдруг придется защищаться) и два носовых платка, на которых его мать когда-то вышила «Т», первую букву его имени.

В последний вечер, проверив, все ли вещи собраны, он сел за прилавок, зажег керосиновую лампу и написал Ишаму такое письмо:

Дорогой дедушка Ишам,

ты всегда читаешь письма для других, но это письмо для тебя, и тебе не надо будет читать его вслух. Я знаю, что огорчу тебя, и заранее прошу прощения. Я отправился сегодня утром на поиски реки Кьяр. Если получится, я принесу тебе этой воды. Надеюсь по дороге встретить девочку, о которой я тебе говорил, потому что она направляется туда же. Оставляю тебе ключ от лавки, потому что боюсь потерять его там, куда я иду. Постараюсь вернуться как можно скорее.

До встречи,

Томек

Он с трудом сдерживал слезы, запечатывая конверт. Ишам сильно постарел за последние месяцы. Щеки покрылись морщинами. Кожа на руках стала похожа на древний пергамент. Будет ли он еще жив, когда Томек вернется? И вообще, вернется ли он когда-нибудь? Он совсем не был в этом уверен.

Не раздеваясь, Томек лег на кровать и проспал несколько часов без сновидений. Когда он проснулся, была еще ночь и лунный свет тускло освещал пристройку. Он резко вскочил, и его сердце наполнилось радостью. Наконец-то! Казалось, он ждал целую вечность, и вот наступил самый счастливый день в его жизни. Томека переполняла надежда. Он точно

найдет реку Кьяр. Заберется на Священную гору. Принесет воды. А еще обязательно встретит девочку и, конечно, вернет ей деньги!

Он выпил большую чашку горячего какао и с аппетитом съел несколько бутербродов с маслом и вареньем. Затем тепло оделся, проверил, как держится на поясе фляжка, на месте ли мешочек, все ли он положил в карманы. В последний момент Томек взял с собой еще большой кусок хлеба. Наконец он туго свернул шерстяное одеяло, перекинул его через плечо, а потом подошел к двери лавки и сделал то, чего не делал еще никогда в жизни: перевернул табличку. Теперь она гласила: «ЗАКРЫТО».

Томек дошел по тихим деревенским улочкам до хибарки старого Ишама. Занавеска была задернута. Он бесшумно ее отодвинул. На пюпитре, который Ишам использовал как подставку для писем, Томек оставил ключ от бакалеи, конверт с прощальным письмом и большой кусок нуги.

— До свидания, дедушка... — прошептал он, как будто старик мог его слышать. Затем двинулся дальше, бросил последний взгляд на свою лавку и устремился широкими шагами по знакомой дороге. Только на этот раз он не повернет назад. На этот раз его многое ждет впереди. Он — искатель приключений. Стая гусей составила в небе идеальный треугольник, словно приветствуя его. Они направлялись на юг, как и Томек.

— Я иду за вами! — крикнул он им вдогонку и почувствовал, что счастье переполняет его.

В те незапамятные времена представления о географии были весьма расплывчатыми. Не было сомнений, что Земля круглая, но многие в это не верили. «Если Земля круглая, — говорили они, — значит, те, кто внизу, ходят вниз головой? А если они не падают, значит, они приклеиваются подошвами?» Тогда не было ни точных

карт, ни указателей. Люди ориентировались по солнцу, по луне, по звездам... Но надо признать, что и терялись чаще.

Томек решил идти все время на юг, где, по словам Ишама, находится океан. «В какой-то момент, — думал он, — чтобы найти реку Кьяр, придется выбирать, куда идти, направо или налево». Большую часть дня его окружал знакомый пейзаж — холмы среди равнин, — и он останавливался, только чтобы поесть хлеба, глотнуть из фляги или нарвать плодов с деревьев.

Приближался вечер, и Томеку стало казаться, что горизонт расширился и обведен нескончаемой темной чертой. Когда он преодолел еще несколько сотен метров, он понял, что это лес, огромный лес, какого он еще никогда в жизни не видел. Ему не очень хотелось пробираться сквозь чащу, но обходной путь наверняка занял бы дни, а то и месяцы, кто знает. Утро вечера мудренее, решил Томек, почувствовав усталость. Он вернулся немного назад, к одиноко стоящему дереву, крона которого напоминала зонтик, а ветви почти достигали земли. Он залез внутрь и завернулся в одеяло. В полудреме он размышлял о том, что хорошо было бы найти попутчика, как это часто случается с искателями приключений, чтобы не чувствовать себя одиноким. Но тут на Томека навалилась усталость, и он заснул, даже не успев погрустить.

Глава четвертая

ЛЕС ЗАБВЕНИЯ

Когда Томек проснулся, то не сразу понял, что лежит не в своей постели. Но при виде листьев, падающих дождем вокруг него, он вспомнил все: отъезд на заре, длинную деревенскую дорогу, одинокое дерево. Значит, он действительно уехал. Это был не сон.

Крохотная сине-желтая птичка, спрятавшись в листве, принялась щебетать рядом с ним, будто говорила: «Вставай, Томек! Вставай, Томек!» Он не смог удержаться от смеха. Он почувствовал себя таким же счастливым, как в то утро, когда покидал деревню, таким же свободным и легким. «Если это называют путешествием, — сказал он себе, — то я хочу три раза обойти вокруг света!»